

ГЛОБОЛОКАЛИЗАЦИЯ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУРНЫХ СООБЩЕСТВ: РОССИЙСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Гаврилюк Т.В.

ФГОУ ВПО «Тюменский государственный нефтегазовый университет», Тюмень, Россия (625000, г. Тюмень, ул. Володарского, 38), e-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru

В статье анализируется специфика субкультурной дифференциации молодежи в глобальном контексте. С использованием методов участвующего наблюдения и качественного анализа документов выявляется специфика глокализации молодежных субкультурных сообществ и фазы новейшего периода их динамики в российском социальном контексте. Путём сравнения характера функционирования западноевропейских и российских субкультурных групп было установлено, что специфика их глокализации в России связана с рядом базовых различий в их социально-демографической структуре, особенностями их восприятия иными социальными группами, направленностью государственной молодёжной политики. Исследование вносит вклад в дальнейшую разработку проблематики влияния культурной глобализации на молодёжные сообщества различной направленности, его выводы могут использоваться в управленческой, общественной, преподавательской деятельности.

Ключевые слова: молодёжные субкультуры, молодёжные движения, культурная глобализация, глобализация молодёжных субкультур, глокализация, молодёжные субкультуры в России.

GLOCALIZATION OF YOUTH SUBCULTURAL COMMUNITIES: THE RUSSIAN SOCIAL CONTEXT

Gavrilyuk T.V.

Tyumen State Oil and Gas University, Tyumen, Russia (625000, Volodarskogo st., 38), e-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru

The article analyzes the specifics of subcultural differentiation of youth in a global context. Using the methods of “participant observation” and qualitative analysis of documents, the specifics of youth subcultural communities globalization and the latest period phases of their dynamics have been identified in the Russian social context. Through comparison of Western European and Russian subcultural groups functioning nature it was established that the specificity of their glocalization in Russia was associated with a number of basic differences in their socio-demographic structure, the specificity of their perception by other social groups and the focus of the state youth policy. The study contributes to further development of the issues of cultural globalization impact on youth communities of different orientations; its findings can be used in managerial, public and teaching activities.

Keywords: youth subcultures, youth movements, typological analysis, cultural globalization, the globalization of youth subcultures, glocalization, youth subcultures in Russia.

Возникнув как протестные или эскапистские движения, разнообразные формы субкультурных солидарностей молодёжи на сегодняшний день претерпели значительные изменения, вписавшись в потребительские рынки и превратившись в одну из форм стилевых игровых практик. Конструируя субкультурную идентичность в рамках сообщества, молодёжь обретает иллюзию определённой власти, контроля над собственной биографией. Каждая подобная стратегия уникальна и связана с индивидуальными тактиками защиты от подавления личности рыночным изобилием массовой культуры. Целью нашего исследования является анализ глобальных молодёжных субкультур и движений современной фазы общественной динамики, выявление специфики их глокализации в российском социальном контексте, включающее этапы, логику развития и основные особенности субкультурной дифференциации молодёжи в постсоветской России.

Эмпирическая база исследования включала в себя типологический анализ различных форм молодежной солидарности по методике Г.Г. Татаровой [3], качественный анализ интернет-источников и печатных субкультурных изданий; многолетнее участвующее наблюдение в местах сбора представителей субкультур в Германии (Берлин, Кёльн, Хильдесхайм) и России (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Тюмень); массовое формализованное интервью студентов российских вузов (2095 респондентов, включая студентов из Москвы, Санкт-Петербурга, Ульяновска, Иркутска, Тюмени и городов севера Тюменской области).

Логика субкультурной дифференциации молодёжи в постсоветской России согласуется с западноевропейскими тенденциями: от протестного субкультурного бума до инкорпорации альтернативных жизненных стилей в потребительские практики массовой культуры. Однако период смены различных фаз цикла значительно короче в силу направленности «догоняющей модернизации» российского общества. Оставим за рамками нашего исследовательского интереса динамику молодежных субкультур в советский и ранний постсоветский период и обратимся к последней субкультурной волне в России, отсчёт которой, на наш взгляд, следует вести с первой половины 2000-х гг., когда общество перешло от состояния турбулентности к периоду относительной экономической и социальной стабильности. Внимание молодёжи на данном этапе переключилось с экономических стратегий выживания в трансформирующемся обществе на поиск форм самовыражения и самоидентификации в пространстве культуры. Поколение перестройки (середина 1980-х - начало 1990-х гг.), ставшее воплощением этой субкультурной волны, уже было полностью лишено советской ментальности, детство и подростковый возраст его представителей пришёлся на период ценностной дестабилизации российского общества, порвавшей со старыми культурными кодами и активно, а зачастую бездумно, поглощавшего продукцию массовой культуры развитых стран. Очевидно, что российская субкультурная сцена также почти полностью состоит из заимствованных направлений, идей и стилей.

Можно выделить *три фазы, отражающие цикл субкультурной динамики в России.*

1. Первая половина 2000-х гг. – бурная популяризации глобальных субкультурных направлений (в большей части западного образца, но присутствуют и субкультурные стили, вдохновлённые востоком – например, J-рокеры и поклонники анимэ); попытка конструирования собственного культурного пространства в крупных городах, возникновение клубной и медиаинфраструктуры; доминирование эскапистских тенденций в сознании субкультурной молодёжи; нарастание «моральных паник» в обществе, связанных с неприятием визуальных проявлений субкультурной идентичности.

2. Вторая половина 2000-х гг. – стабилизация субкультурного пространства и начало его адаптации в молодёжной мейнстрим-культуре; сформированность коммуникативной инфраструктуры основных субкультур; интенсификация мобильности в рамках глобального субкультурного пространства (резкое увеличение количества проводимых мероприятий соответствующей тематики, интернет-торговли, медиаконтента); начало распада аутентичной стилистики субкультур, вызванное их колонизацией массовой культурой; устойчиво негативное или безразличное отношение общества к имиджевым субкультурам.

3. Первая половина 2010-х гг. – спад популярности глобальных субкультур; коммерциализация и виртуализация субкультурного пространства; стирание граней между массовой культурой и субкультурной средой; отказ от ценностной составляющей в пользу стилистической; «хипстеризация» большинства популярных направлений альтернативной культуры; субкультурные имиджи и способы групповых действий целиком заданы гиперреальностью интернет-сообществ; практически полное исчезновение субкультурного дискурса из СМИ, безразличие общества к данной тематике.

Российские реалии третьей фазы новейшего субкультурного цикла, на наш взгляд, достигли синхронизации с общемировыми тенденциями. Сегодня экспансивная политика глобальных молодёжных брендов пресекает любые попытки субкультурного сопротивления, как провокационного, так и эскапистского, в течение нескольких лет поглощая любую «инаковость» путём инкорпорирования её стилистики в массовую культуру. Даже стратегии альтернативного маркетинга, использующиеся в пространстве молодёжных сообществ, сегодня уже не являют собой никакой альтернативы, т.к. обрели функцию апробированного набора инструментов для работы на нишевых рынках.

Помимо отмеченных тенденций развития глобальных субкультур, следует отметить отчётливо наблюдающийся в третьей фазе консервативный поворот массового, в том числе и молодёжного, сознания. Взамен идеологии субкультурного плюрализма и индивидуализации, всё большую популярность обретают попытки реанимации утраченной под воздействием глобализации культурной самобытности. Эта тенденция находит отражение в растущей численности приверженцев так называемой фолк-культуры, имеющей склонность к демонстрации этноцентристской идеологии. Вместе с тем тенденции её развития не противоречат отмеченным ранее свойствам третьей фазы субкультурной волны, а скорее являются их продолжением. Отчётливо наблюдается влияние глобальных тенденций социокультурной динамики, в частности так называемого folk revival, имеющего место в западной массовой культуре и искусстве и выражающегося во всплеске интереса к этнике в XX в. Особенно ярко этот процесс нашёл отражение в музыке [6]. Данное явление можно считать частью «ретроспективной глобализации» культуры (термин Б.М. Бернштейна [1]) –

вовлечения в мир искусства артефактов и практик, изначально ему чуждых, например архаических форм, сохранившихся в традиционных культурах или в субкультурных нишах, где они получают новые функции и интерпретируются в системе его понятий и ценностей.

Закат молодёжной субкультурной активности в третьей фазе цикла согласуется с идеями П. Бурдьё [5] относительно необходимости сохранения автономии «художественного поля». Коммерциализация, активное вмешательство органов молодёжной политики, «демонизация» представителей субкультурных групп в СМИ привели к снижению ценности субкультурной идентичности в сознании молодёжи и, как следствие, отсутствию воспроизводства и развития данных молодёжных сообществ.

Глобализация молодёжной культуры определяет общие для молодёжных групп ценностные и стилистические черты, воздействует на структуру потребления и реализуемые культурные практики. Вместе с тем пристального внимания заслуживает и локальная специфика общемировых субкультурных феноменов, их функционирование в условиях специфического социального контекста, влияние, которое они оказывают на местную молодёжь, механизмы интернализации и экстернализации смыслов, ценностей и идей. Мы выявили ряд факторов, обуславливающих специфику глокализации субкультурных практик и субкультурного дискурса в России, их отличия от процессов, протекающих в развитых «странах-донорах»:

1. *Различия в демографической структуре.* Субкультурные группы в России почти полностью представлены подростками и молодёжью. Люди старшего возраста встречаются крайне редко (за исключением, пожалуй, сообществ байкеров и реконструкторов) и являются, как правило, состоявшимися музыкантами или организаторами клубных мероприятий. В европейских субкультурах, напротив, наблюдается очевидный рост среднего возраста их представителей до 30 лет и выше. Этот феномен объясняется, во-первых, превращением субкультур в Европе из оппозиционных жизненных стилей в рекреационные практики, не требующие постоянной идентификации и, во-вторых, снижением популярности субкультур альтернативного стиля жизни у подростков и молодёжи.

2. *Различия социального контекста и окружения,* обусловленные характеристиками коллективного сознания. Многие аспекты субкультурной стилистики, давно вошедшие в культурный мейнстрим в Западной Европе, в России продолжают восприниматься как проявление девиации.

3. *Различия, обусловленные территориальной дифференциацией.* Тенденция к децентрализации, характерная для развитых обществ, пока не находит своего воплощения в российской действительности. Провинциальные и столичные «неформалы» демонстрируют

отличные друг от друга стили жизни, что связано с их культурным и социальным бэкграундом, уровнем владения иностранным языком и общей информационной компетентностью, объективными экономическими факторами, детерминирующими различия в качестве жизни представителей молодого поколения.

4. *Различия, обусловленные спецификой социальной структуры.* Российское общество начала 2010-х уже не настолько поляризовано, как в 1990-е, однако средний класс в нашей стране по-прежнему развит недостаточно (порядка 40% населения, по данным Института социологии РАН [4]). Связь социально-классовой и субкультурной принадлежности молодого человека доказана британскими теоретиками ещё в 1970-е гг., следовательно, и сегодня мы можем выявить определённые корреляции между этими параметрами. Сохраняющееся доминирование в социальной структуре низшего слоя (хотя в России не стоящую за чертой бедности его часть принято называть «базовым слоем») приводит к маргинализации значительной части молодёжи, жизненные шансы которой в образовательной и профессиональной сфере крайне низки. В то же время расширяется высшая часть среднего слоя, представленная в основном жителями столицы и мегаполисов. Этот дуализм воплощается в параллельное существование двух молодёжных «культурных миров»: молодёжи из низшего и низшего среднего класса российской провинции, пополняющей уличные группировки «гопников» [2], и продвинутых «хипстеров» - обеспеченную молодёжь крупных городов, увлекающуюся современными арт-практиками, инди-музыкой и креативными трендами.

5. *Различия в содержании научного дискурса.* В России субкультурная проблематика традиционно рассматривается в контексте проблематизации. Вплоть до 2000-х гг. субкультуры большинством исследователей трактовались как формы девиантного поведения, нуждающиеся в корректировке институциональными способами. Концептуализируя субкультурные общности как гомогенные образования, авторы рассматривали их как объект социального контроля и воздействия. Недостаточно внимания уделялось проблематике внутрисубкультурной дифференциации. Различия проявлялись и на уровне методологии: западные исследователи традиционно использовали качественный анализ текстов и этнографические методы, позволяющие получить достоверные данные о многообразных видах молодёжной активности в социальной, политической, культурной, досуговой, интимной сфере, изучить особенности социокультурной саморепрезентации молодых людей, включающей в себя символические аспекты субкультурной стилистики и телесного экспериментирования. Российские исследователи опирались преимущественно на количественные методы и массовые опросы, интерес к качественным исследованиям в русле интересующей нас проблематики наметился лишь в последнее десятилетие.

6. *Различия государственной молодежной политики.* Молодёжные субкультуры в России испытывают давление не только со стороны общественного мнения, но и со стороны государства. В 2008 году были предприняты попытки законодательно ввести запрет на ношение атрибутики готики и эмо в школах, что вызвало ряд протестных акций со стороны неконформистски настроенной молодёжи. Это было вполне закономерно, т.к. данные субкультуры не являются антисоциальными и любые попытки пресечь культурное самовыражение молодёжи не были санкционированы демократическими нормами. Школьная форма в России также не является общеобязательной, поэтому попытки внедрения подобного рода ограничительных мер на общегосударственном уровне представляются нам ярко выраженной дискриминацией определённых субкультурных групп. Молодёжь традиционно рассматривается представителями российской власти как ресурс социокультурного воспроизводства и инновационной активности, вместе с тем направления этой активности чётко регламентированы. Так, сегодня на государственном уровне поддерживается хип-хоп-движение, байкеры и фолк-культура, но многие иные формы молодёжных объединений рассматриваются как потенциально социально опасные.

Таким образом, сегодня в развитых обществах нормой является ситуация субкультурного плюрализма, когда социум представляет собой совокупность сосуществующих этнических, профессиональных, религиозных, территориальных и, конечно, молодёжных субкультур, каждая из которых обладает собственной картиной мира, включающей собственную систему норм и ценностей, взглядов, убеждений и интересов. Качественные методы исследования позволили выявить ряд базовых факторов, определяющих специфику глокализации глобальных молодёжных субкультур и движений в России, и определить фазы их динамики.

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-03-00284а «Образ будущего в выборе алгоритма социальной мобильности современной российской молодёжью».

Список литературы

1. Бернштейн Б.М. Три стрелы глобализации искусства // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана : материалы международной научной конференции. 18 мая 2001 г. Санкт-Петербург. Серия «Symposium». Вып. № 12. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2001. - С. 278-281.
2. Гаврилюк В.В., Латышева Т.В. Грани девиации российской молодёжи: субкультурный аспект // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. - № 4. - С. 139–148.

3. Татарова Г.Г. Основы типологического анализа в социологических исследованиях. - М. : Издательский дом «Высшее образование и Наука», 2007. – 235 с.
4. Средний класс в современной России: 10 лет спустя : аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. – М., 2014. - URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Sredny_klass/full.pdf (дата обращения: 20.08.2015).
5. Bourdieu P. ‘The Field of Cultural Production’ in Johnson, R. et al (Eds.), Essays on Art and Literature. - Cambridge, Polity, 1993. – 322 p.
6. Cohen R.D. Rainbow Quest: The Folk Music Revival & American Society, 1940–1970. – Amherst : University of Massachusetts Press, 2002. – 367 pp.

Рецензенты:

Беспалова Ю.М., д.ф.н., профессор кафедры общей и экономической социологии Тюменского государственного университета, г. Тюмень;

Мехришвили Л.Л., д.соц.н., главный ученый секретарь Тюменского государственного нефтегазового университета, г. Тюмень.